

Е. Е. Хазимуллина
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТОВ С ИМПЛИЦИТНЫМ
СОДЕРЖАНИЕМ

Е. Е. Khazimullina
LINGUISTIC EXPERTISE OF THE TEXTS WITH THE LATENT SEMANTICS

Сознательное вуалирование говорящими истинного содержания речи существенно снижает эффективность применения традиционных формально-грамматических методов исследования. Статья посвящена рассмотрению принципов и приемов выявления скрытой семантики текстов при проведении лингвистической экспертизы.

Conscious fogging the veritable content of the speech by speakers significantly reduces the efficiency of traditional formal and grammar methods. The report is devoted to the principles and methods of detecting latent semantics of texts during linguistic expertise.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, лингвопрагматика, семантика, мотивированность, методы лингвистики, скрытый призыв.

Keywords: linguistic expertise, pragmalinguistics, semantics, motivation, methods of linguistics, latent appeal.

Лингвистическая экспертиза предполагает описание в заданном аспекте и объяснение того положения вещей, которое находит отражение в исследуемом тексте. С этой точки зрения наиболее важными представляются такие свойства текста, как его информативность, связность, целостность, завершенность, нормативно-стилистическая обработанность (во многом определяющая потенциал речевого воздействия), интенциональность и предназначенность, т. е. прагматическая обусловленность. Необходимо подчеркнуть, что форма, содержание, функции текста и все названные его признаки не существуют сами по себе, они проистекают из мотивов говорящего, находящих свое выражение в его коммуникативных намерениях. А. Р. Лурия экспериментально доказал: «...исходным для каждого речевого высказывания является наличие мотива, или замысла. К подобным мотивам относятся такие упомянутые Скиннером формы, как желание попросить что-либо (- *and=demand*), передать что-либо (- *tact=contact*) или (мы позволим себе прибавить и последний вариант) понять, уточнить что-либо, или ввести это в систему понятий (- *sept=concept*); если таких мотивов не существует, то у человека не появляется ни мысли, ни всех последовательных ступеней оформления мысли в развернутом высказывании» [Лурия, 2002, с. 108].

Психологи свидетельствуют: выявление причин того или иного поступка, действия – сложная задача; вместе с тем они уверены, что мотивация не только определяет деятельность человека, но и буквально пронизывает все сферы его психической жизни (см. [Мотивация поведения., 2006, с. 19]). Феноменологически мотивация обнаруживается «как особый пласт психического образа, составленный множеством пристрастных отношений субъекта ко всему, что в некоторый момент им отражается» [Вилюнас, 2006, с. 175]. К индикаторам мотивации психологи относят самые разнообразные симптомы: прямую оценку представлений человека о причинах или особенностях поведения, избирательность внимания к аспектам ситуации, соответствующим мотивам, проявление мотивов в воображении и фантазии, свободный выбор направления активности, настойчивость при столкновении с преградой и др. По наблюдениям А. Н. Леонтьева, «даже когда мотивы не осознаются... они все же находят свое психическое отражение, но в особой форме – в форме эмоциональной окраски действий» [Леонтьев, 1975, с. 201].

Следует, однако, предостеречь экспертов от прямолинейного отождествления коммуникативных намерений с реальными психофизиологическими мотивами

говорящего. Дело в том, что, во-первых, мотивы могут быть внешними (обусловленными влиянием на индивида извне) и внутренними (проистекающими из внутренних потребностей самого человека); правда, для трансформации внешнего стимула в личностный мотив, необходимо, чтобы человек сделал значимым его для себя. Во-вторых, действительные мотивы могут находиться между собой в отношениях иерархии, взаимного дополнения, конкуренции, конфликта, выстраивания во временной перспективе и т. д. (см. [Леонтьев, 1971, с. 21], [Вайскунский, 1977, с. 123], [Брушлинский, 1979, с. 90], [Мотивация поведения., 2006, с. 6], [Соловьева, 2006, с. 11] и др.). С учетом этого И. П. Ильин предлагает рассматривать мотивацию не как сочетание одной причины и одного побуждения, а как совокупность и определенную последовательность ряда причин и побуждений [Ильин, 2004, с. 79]. И, наконец, в-третьих, начальная реакция человека всегда носит органический и произвольный характер, но она может сдерживаться социокультурными установками. И «если по отношению к некоторому предмету индивид не обнаруживает никакой реакции, это еще не значит, что у него нет адресованности к нему инстинктов, может быть так, что их множество и что они пришли во взаимное столкновение, подавляя друг друга» [Вилюнас, 2006, с. 250]. Во избежание «социальных санкций» люди далеко не всегда поступают так, как им хочется, они вынуждены скрывать некоторые свои импульсы и направлять их по другим каналам. «Дыхание – это, пожалуй, наименее детерминированный волей процесс, но даже оно оказывается объектом социального контроля. Человек умышленно сдерживает одышку, если не хочет показаться слабым, или намеренно вздыхает, чтобы выразить огорчение. Он часто делает то, чего ему вовсе не хочется делать. Человеческое поведение является чем-то таким, что складывается в процессе взаимодействия с другими людьми, и его направление зависит от склонностей других не менее, чем от склонностей самого лица» [Шибутани, 2002, с. 58].

Тем не менее, в тексте в той или иной степени проявляются разнообразные типы психологической и, как следствие (в силу включенности языка в иные психофизиологические системы человека), языковой и речевой мотивированности: «...от мотива, стоящего у истоков высказывания, зависит выбор из всех возможных связей, стоящих за словом, только тех, которые соответствуют данному мотиву и придают этому высказыванию совершенно определенный субъективный (аффективный) смысл» [Лурия, 2002, с. 104]. Даже в случае ослабленного речевого контроля так или иначе мотивированным является арсенал используемых единиц языка, их сочетание, тематическая организация высказывания, повторы, увеличение или ограничение числа ассоциаций, в устной речи – интонация, паузы, логическое ударение, темп и проч. В случае же жестко контролируемого и сознательно организуемого процесса порождения речи мотивированными в той или иной степени оказываются все уровни текста (мотивированность в данном случае понимается как относительная синхронно-диахроническая (взаимо-)обусловленность формальных, семантических, значимостных и функциональных свойств языковых и речевых единиц, а также обусловленность этих видов языкового знания субъективными и объективными представлениями человека о действительности, его витальными, социальными потребностями и психофизиологическими возможностями; подчеркнем: обусловленность, а не детерминированность).

Таким образом, текст, будучи объектом юрислингвистической экспертизы, предстает как сложное речевое произведение, организованное под опосредованным влиянием мотивов, находящих свое выражение в коммуникативных намерениях его создателя. Данный факт подразумевает целесообразность применения лингвопрагматического – «антисхоластического» – подхода к исследованию текста, при котором «оценка целого является отправной точкой для оценок частей», а коммуникативный замысел **соотносится** с понятием «умысел» (см. [Голев, 2002, с. 70]), особенно при сознательном вуалировании говорящими истинного содержания речи, существенно снижающем эффективность традиционных формально-грамматических

методов и приемов толкования текста с опорой лишь на словарные значения. Т. Г. Винокур отмечает: «Акт предпочтения одного языкового средства другому – так же, как и степень его осознанности, – это и есть сам говорящий, «образ автора» данного высказывания» [Винокур, 1989, с. 18].

Не только художественные, но и речевые произведения иной функционально-стилистической ориентации характеризуются сложной семантической структурой. Любой текст является принципиально идиоматичным в силу того, что в нем системные языковые значения (абстрактные и идеальные по своей природе, а потому интерпретируемые единицы) трансформируются в речевые, контекстуальные смыслы. В процессе актуализации происходит не просто индивидуализация, конкретизация языкового значения, модификация или семное варьирование, а «активное взаимодействие его интенционального содержания (номинативного, модального и коннотативного) с невыраженным в этом значении знанием об обозначаемом, с его импликационалом (семантическим потенциалом)», обусловленное ситуацией высказывания (см. об этом в [Васильев, 2006, с. 45, 111]), добавим: и коммуникативными намерениями (актуализированными в речи мотивами) говорящего. И хотя опорой для экспертного анализа текста должны составлять, по верному замечанию С. А. Кузнецова, «материально выраженные единицы», необходимо исследовать тот имплицитный смысл – подтекст, который «может быть простым или сложным, дополняющим или даже вытесняющим эксплицитное значение», и в котором «семасиология языка преобразуется в семасиологию речи» [Кузнецов, 2002, с. 99].

Употребляется ли слово *мужчина* в контекстах «*О! Он такой мужчина!*» и «*Не плачь! Ты же мужчина!*» (в обращении к ребенку) в одном и том же значении, которое, согласно данным ряда толковых словарей современного русского языка, формулируется как 'взрослый человек (человеческое существо) мужского пола (противоположное по полу женщине)'? Нет. В первом случае мы сталкиваемся с расширением языковой семантики под влиянием неязыковых знаний говорящего, а во втором – одновременно и с расширением значения, и с нейтрализацией некоторых его сем (ср. «*Жизнь есть жизнь*»). А. Р. Лурия остроумно отмечает: «*Куй железо, пока горячо*» вовсе не означает эпизода из жизни кузнеца, а «*Не в свои сани не садись*» вовсе не ограничено ситуацией из жизни крестьянина. Легко поэтому видеть, что даже декодирование изолированного предложения может идти дальше описания его внешнего значения и переходить к усмотрению его внутреннего смысла или подтекста. Еще более этот процесс необходим при понимании связного текста. Всякий связный отрывок текста представляет собой не просто последовательность фраз, а включает общую мысль, являющуюся выводом из всего сообщения в целом» [Лурия, 2002, с. 120].

Подтекст, имплицитное содержание текста формируется прежде всего под влиянием того, что говорящему представляется наиболее значимым, ради трансляции чего он создает свое высказывание. Даже если текст намеренно лишен всех формальных примет авторской индивидуализации и идентификации речи, подтекст, формируемый субъективным, аффективным отношением к передаваемой информации, как правило, содержит компоненты, продиктованные истинными мотивами речи, скрываемым коммуникативным замыслом (в противном случае текст полностью утрачивает способность к воздействию). По справедливому замечанию Т. Г. Винокур, «...оформление высказывания – ...запуск в действие механизма владения языком – как раз и состоит в образовании с помощью языкового средства конситуативно значимого приема. И эта процедура имеет стилистический смысл... Расчет на эффект, предощущение реакции, угадывание ее конкретного содержания – это такое же интенциональное действие говорящего, как и мысль, дающая импульс речи» [Винокур, 1989, с. 18-19]. Именно поэтому мы считаем выявление коммуникативных намерений говорящего важнейшим этапом лингвопрагматического анализа, основанного на экспликации исследователем взаимосвязей между строением, содержанием, функциями текста и структурой и целями

акта коммуникации.

Коммуникативные намерения могут декларироваться говорящими, быть явно выраженными (но не обязательно истинными): «*В редакцию поступило письмо, которое мы сочли возможным опубликовать «как есть» — сохранив авторский стиль и все описанные факты*»; «*В этой книге мы обсуждаем фонды в государстве Халифата и законы, связанные с ними. Мы объясняем их источники и типы, откуда они собираются, время и пути их сбора, и отделы в которых они хранятся. Мы также рассматриваем тех, кто имеет право на эти фонды и области их расхода*»; «*Эта пропаганда одурачила множество людей по всему свету, которые поверили в могущество Запада и капитализма. Чтобы раскрыть этот обман и была написана эта книга*». Однако чаще всего в текстах, которые становятся объектом лингвистической экспертизы, истинные коммуникативные намерения прямо не обозначаются, а, напротив, вуалируются, переводятся авторами в плоскость скрытой информации. Их установление осуществляется с опорой на общий смысл текста, его основную мысль, подтекст, композицию, жанр, сильные позиции, повторы ключевых слов и фраз, навязываемые читателю пресуппозиции и др. Так, в тексте может декларироваться намерение «полного и глубокого», почти научного изучения явления: «*Поэтому имела место необходимость полного и глубокого изучения социальной системы Ислама, чтобы было понятно, что проблема здесь заключается в собрании женщины и мужчины, в связи, которая возникает в результате их совместного собрания и в том, что исходит из этой связи; ...а также было понятным, что это решение для мусульманки и мусульманина, которые должны жить определенным образом жизни, к которому обязывает их Ислам, как приказал Аллах в Коране и сунне, невзирая на то, что противоречит это тому, что есть на Западе или расходится с обычаями и традициями предков*». Однако в то же время в тексте может быть скрытым, завуалированным намерение пропаганды этого явления: «*Единственная система, которая обеспечивает благополучие и процветание жизни, которая естественно регулирует связи женщины с мужчиной имея в своей основе духовную сторону и критерием, которой являются законы шариата включая те его законы, которые осуществляют нравственную ценность — это социальная система Ислама... Социальная система Ислама является единственно правильной социальной системой, если допустить существование в мире еще какой-то другой системы... Эта система гарантирует такую личную жизнь, в которой человек может быть спокоен и отдыхать от напряжения и усталости. Она гарантирует серьезную и плодотворную общественную жизнь, предоставляющую людям то счастье и процветание, в котором они нуждаются в своей жизни*».

Явные и скрытые коммуникативные намерения соответствуют делению коммуникативных актов на прямые и косвенные, по И. М. Кобозевой: косвенными она называет такие коммуникативные акты, действительная цель которых не выражена явно [Кобозева, 2003]; ср. прямые и косвенные призывы. Не случайно сокрытие истинных коммуникативных намерений, как правило, сопровождается применением манипулятивных средств речевого и невербального воздействия. К примеру, в текстах, ориентированных на широкого читателя, используется прием «продленной семы» (термин Н. Д. Голева), тактики создания негативного образа, сопоставления, утаивания части информации, выборочного опровержения, поддержки собеседника, дискредитации противника, в том числе посредством ссылки на «экспертов» без указания на то, кто выступает в качестве таковых, каков уровень их компетентности и т. п.: «*Откуда берутся такие цены? Кто их выдумал? И как цена товара на прилавке может быть ниже, чем цена производящего его завода? Эксперты утверждают, что в нашей стране такое бывает и, увы, нередко*». Религиозно-политические тексты строятся также на тесном взаимодействии религиозно-исторического и реального планов повествования, границы между которыми размыты, на категоричности, императивности высказываний, оформленных как цитаты из религиозных источников, на использовании риторических

приемов для создания ярких образов или же, напротив, на затуманивании содержания, на апелляции к нравственной стороне жизни адресата речи, эксплуатации ценностей и атрибутов веры (в том числе символов оригинальных графических систем), стереотипов религиозного сознания и др.: «*Все это выведено на основе обоснованных доказательств и является самым сильным по нашему мнению; поскольку **такие божественные постановления принимаются на основе наименьшего количества сомнений** (галаба аз-занн) **без наличия доказательств**, являющихся категорическими, как это требуется в образовании доктрины*»; «*Мы просим **Аллаха**, чтобы Он сделал ее хорошей книгой, **приносящей пользу Исламу и мусульманам**, и помог им притворить ее в праведном государстве Халифат, ибо поистине Он способен сделать все, что пожелает*»; «*Поскольку **Ислам, посланный Аллахом Его Посланнику Мухаммаду (с.а.с.)**, является системой для жизни и посланием для всего мира, существует категорическая необходимость в наличии государства, которое притворит его и будет распространять в мире*»; «***Аллах** обязал джихад мусульманам в коллективном порядке, богатым и бедным и обязал им совершать джихад со своим богатством и душами. **Аллах** сказал: Однако Посланник и те, которые уверовали вместе с ним, сражались своим имуществом и своими душами. Им уготованы блага. Именно они являются преуспевающими. (ат-Тауба: 88)*».

Нельзя не согласиться с Н. Д. Голевым в том, что «естественные (неюридические) тексты необходимо несут в себе огромное число отпечатков разного рода пресуппозиций и коннотаций (которые во многих случаях в коммуникативном отношении гораздо важнее их прямой семантики, фиксируемой отдельными компонентами текстов)» [Голев, <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v78.html>]. Данный факт обуславливает прагматическую направленность лингвистической экспертизы и вместе с тем исключает формальный, схоластический анализ, если исследователь ставит перед собой задачу объективного описания текста. Учет структурно-смысловой связности и целостности речевого произведения, его интенциональности приводит к качественно иному результату, нежели описание вырванных из общего контекста, изолированных высказываний: ответы, которые будут давать эксперты в том и в другом случае, могут быть прямо противоположными уже только потому, что речевой смысл высказывания не выводится из суммы словарных значений единиц, входящих в его состав. Так, например, лексико-семантический и формально-грамматический анализ фразы «*мы добиваемся от мусульман претворения Ислама в жизнь*» не позволяет выявить имеющийся в ней скрытый призыв к установлению халифата (местоимение *мы* «обозначает неопределенное число лиц, делающих что-л., думающих и т. п. одинаково»; значение глагола сов. в. *добиться* – «Достичь каких-либо результатов путем усилий»; *мусульмане* – «Последователи мусульманства»; *претворение* – от *притворить* в значении «Вплотить во что-л. реальное, осуществить»; *ислам* – «Одна из распространенных религий мира, последователями которой являются мусульмане; мусульманство»; *жизнь* – «Реальная действительность, бытие» [Кузнецов, 2005, с. 365, 165, 364, 604, 250, 190]). Приведенная фраза в исследуемом тексте является ключевой и явно указывает на наличие в нем речевого акта призыва, по А. Вежбицкой: 'Я хочу, чтобы ты сделал Р': некоторая группа лиц, называемая дейктиком «мы», «добивается» (=хочет) от «мусульман» совершения определенного действия, которое контекстуально обозначается этой группой как «*призыв Аллаха... и Его Посланника*», «*претворение Ислама в жизнь*», «*действие на пути к восстановлению Халифата и к полному претворению законов Всевышнего Аллаха*», «*изменение территории неверия в территорию Ислама... методом установления Исламского государства (при его о т с у т с т в и и)*», «*установление государства и изменение территории неверия в территорию ислама*», причем один из этапов такого «*изменения*» предполагает борьбу, насилие.

Извлечение смыслового приращения из текста требует от эксперта высокой профессиональной квалификации, владения разнообразными методами исследования,

применения строгих принципов, соответствующих основным положениям современной функциональной лингвистики. К таковым мы относим следующие:

1. Языковые единицы в тексте (речи) реализуются в соответствии с коммуникативными целями, намерениями и потребностями говорящих, служат выражению их мыслей, эмоций, прагматических установок, следовательно, речевой смысл высказываний включает в себя как типовые значения языковых единиц, так и различные неязыковые представления говорящих об изображаемой действительности;

2. Текст в норме характеризуется свойствами целостности, связности и, в силу этого, каждый его структурный или содержательный элемент воспринимается и понимается читателем, исходя из общего контекста произведения (общий контекст текста в семиотическом его понимании может включать не только вербальную, но и невербальную информацию, передаваемую неязыковыми знаками);

3. Жанрово-стилевые, композиционные свойства, разнообразные риторические приемы, средства словесной выразительности, речевые тактики и стратегии способствуют эффективной передаче необходимой информации и усилению воздействующего эффекта текста, его влияния на сознание и чувства реципиента; воздействие собственно языковых средств может дополняться, усиливаться или же, напротив, ослабляться неязыковыми знаками текста в широком, семиотическом, его понимании (графическим / видеоизображением, цветом, шрифтом, музыкальным сопровождением, мимикой, жестами, телодвижениями говорящего и т. д.);

4. Содержание текста, как правило, многослойно: помимо явной (эксплицитной) информации, в нем может быть закодирована скрытая (имплицитная) информация, извлечение которой специальными методами филологического, собственно лингвистического и лингвосемиотического анализа способствует пониманию всего спектра коммуникативных намерений автора.

Решению экспертных задач на материале текстов с имплицитным содержанием способствует комплексное применение таких взаимодополнительных и верифицирующих друг друга методов и видов анализа, как:

1. лексико-семантический (в том числе компонентный и дефиниционный), формально-грамматический, которые используются: а) для установления различных видов языковых значений (лексических, словообразовательных, синтаксических, значений частных морфологических категорий) единиц, реализуемых в тексте, а также б) в целях выявления их актуального речевого смысла;

2. семантико-синтаксический, применяемый в целях определения содержания (в том числе с учетом тема-рематической его организации) и коммуникативных функций высказываний;

3. логико-грамматический, способствующий установлению затекстовой информации, типов пропозиции и пресуппозиций;

4. лингвостилистический, проводимый для выявления особенностей стиля, жанра, композиции, а также речевых средств и приемов воздействия, обуславливающих восприятие и понимание текста в нужном автору ключе, для установления стилистической окраски и текстовых стилистических функций используемых языковых единиц;

5. лингвопрагматический, осуществляемый в целях определения авторского замысла, коммуникативных намерений, реализованных в тексте в явной и скрытой форме и направленных на воздействие на адресата речи;

6. методы компонентного анализа, семантического, тематического поля, концептосферы — для описания релевантных единиц содержания, отражающих взаимодействие языковых и неязыковых знаний говорящего;

7. контент-анализ, способствующий установлению смысловой значимости количественных характеристик искомых явлений текста;

8. лингвосемиотический анализ, направленный на исследование взаимодействия

вербальных и невербальных знаков в тексте, их функций в передаче явного и скрытого содержания;

9. метод контекстуального анализа, применяемый в целях описания закономерностей и особенностей функционирования языковых единиц в тексте;

10. дискурс-анализ, предполагающий учет функционирования единиц речевого общения в социокультурном контексте и др.

Отдельного рассмотрения в связи с наиболее актуальными задачами юрислингвистики требует вопрос о способах выявления скрытых призывов в текстах экстремистской направленности. Стремясь оказать воздействие на определенную целевую аудиторию и вместе с тем избежать правовой ответственности, авторы подобных текстов маскируют свои призывы, намеренно лишая их типовых формально-грамматических примет, исчисленных в научной литературе (см. [Русская грамматика, 1980], [Баранов, 2007]). Установление наличия призыва и описание его содержания в этом случае представляет собой сложную эвристическую задачу, всякий раз по-новому решаемую в пределах конкретного текста. Тем не менее, обобщение фактического материала позволяет исследователям говорить о некоторых типовых же, но менее формализованных признаках данного явления. Представим основные результаты нашего наблюдения.

По своей коммуникативно-прагматической сути скрытые призывы не имеют специфики в сравнении с явными (прямыми или косвенными): в их основе лежит та же структура акта коммуникации, которая была описана в работах [Баранов, 2007, с. 420], [Бринев, 2009, с. 140-141]. И хотя некоторые из называемых этими учеными элементов могут отсутствовать или же не быть явно представленными в тексте, имплицитное содержание для его квалификации как скрытого призыва должно удовлетворять по меньшей мере основным признакам, сформулированным еще А. Вежбицкой: 'Я хочу, чтобы ты сделал Р'. Таким образом, целесообразно установление скрытого призыва как особого – косвенного речевого акта по критериям, заложенным в определении А. Н. Баранова: 1) говорящий, побуждающий адресата речи к некоторому действию (совокупности действий); 2) адресат, к которому прямо или косвенно обращается субъект речи; 3) говорящий и адресат речи являются или мыслятся как политические субъекты или их представители; 4) призывные действия являются или преподносятся как социально значимые; 5) сам речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации. Скрытые призывы так же, как и явные, подразделяются на призывы инклюзивного и эксклюзивного действия.

Намерение скрыть потенциально конфликтное содержание текста говорящие реализуют, как правило, посредством использования стратегии вуалирования: на первый план выводится второстепенная, фоновая информация, создаются особые (навязываемые) пресуппозиции (субъективные, утрирующие действительное положение дел), в расчете на то, что читатель, изначально мотивированный к восприятию преподносимой информации, будучи подготовленным особым образом эмоционально, некритически воспримет и сам призыв. С учетом этого, наиболее сложная для эксперта задача – установление характера призывных действий – должна решаться, во-первых, на основе экспликации коммуникативных намерений говорящего и описания формируемых им пресуппозиций; во-вторых, посредством анализа речевых смыслов призывных высказываний, выявляемых с опорой на языковые формы, значения, значимости и функции, на общий контекст и подтекст речевого произведения.

Компоненты скрытого призыва, даже в случае дистантного расположения, оказываются соотношенными друг с другом на основе традиционных средств связности текста – когезии и когерентности – следует учитывать видо-временную соотношенность глаголов, всевозможные повторы, местоименные замены, единицы однородных семантических полей, тематических групп и т. д. К другим средствам идентификации скрытого призыва необходимо, вслед за Л. А. Араевой и М. А. Осадчим, отнести побуждение к действиям, опосредованно связанным с иными действиями, представление

в тексте элементов или целой программы реализации призывного действия (см. [Араева, Осадчий 2006], [Осадчий, 2011]). Призывное действие может обозначаться с помощью придаточных цели, маркерами которых являются союзы *чтобы, для того чтобы, с тем чтобы* и т. п., в сочетании с переносными формами глаголов (индикатива будущего времени и сослагательного наклонения); придаточных условия в конструкции риторического вопроса или с восклицательной интонацией (в сочетании с кратким прилагательным положительной оценки): «*О брат! **Неужели, если бы ты выходил в какое-нибудь путешествие, то отказался бы подготовиться к нему, и взять все необходимое?.. О брат! **Неужели ты не задумывался о том, что Аллах велел тебе быть сначала мусульманином, а потом стать проповедником, распространяющим Ислам для его установления?*****»; «*Как **хорошо** было бы, если ты надела хиджаб и стала благим примером для других, вместо того чтобы оставаться в грехах и не стараться избавиться от них*»; «***Было бы превосходно** если бы призывающий прочитал и рассуждая осознал эти и другие тексты описывающие качества хамил-уд-дава, а затем связал бы их с действительностью и пронаблюдал их воплощение в нем и сравнил бы себя со сподвижниками Пророка (да будет доволен ими Аллах), последователями сподвижников (табиин) и теми, кто искренно последовал их пути, для того, что бы стать одним из их числа, получив согласие, содействие и победу от Всевышнего Аллаха*».

Наиболее частотное средство скрытого призыва – единицы с семантикой долженствования и необходимости (*надо, нужно, необходимо, недопустимо* (= 'допустимо не'), *следует, должно, не должно* (= 'должно не'), (*не*) *должно быть, должны, обязаны, обязательно, (является / становится) обязанностью / обязательным / необходимым / неизбежным, обязывает* и т. п.), а также слова (в том числе перформативы), побудительная семантика которых не имеет формальных средств выражения, является лексической: *требует(ся), рекомендует(ся), не позволяет(ся), за-/воспрещает(ся), остается (лишь), хотеть, просить, молить, нельзя, хватит, довольно* и др. Интерес представляют и довольно распространенные в последнее время случаи выражения скрытого призыва с помощью положительного примера, которому должен следовать читатель: «*Брат, слышал ли ты слова Аллаха о своих любимых рабах: «**Мухаммад – посланник Аллаха, и те, которые с ним, - яростны против неверных, милостивы между собой... Они совершали джихад на пути установления Ислама до того момента, пока не уходили из жизни. И готовясь к встрече со своим Господом, они поклонялись Аллаху ночами, а днем были воинами, сражающимися на пути Аллаха... **Посланник Аллаха** (благословение и мир Аллаха ему) **лучший пример для всех нас*****». Лексическое значение слова «*пример*» — '2. Действие или явление, которому подражают; действие или явление как образец чего-л.'; «*подражать*» — '2. Следовать в своей жизни, поведении, деятельности кому-л., какому-л. образцу, примеру'; «*следовать*» — '4. Руководствоваться чем-л.; поступать согласно чему-л. или подобно кому-л.'; «*образец*» — 'Кто- или что-л. как пример для подражания' [Кузнецов, 2005, с. 614, 552, 754, 433].

Рассмотрим фрагмент текста, в котором содержится скрытый призыв: «*Поистине исламское законодательство, в своих решениях для человека, **требует** изучения реальности его проблемы, затем познание закона Аллаха на данную проблему, через выведение закона из Корана и Сунны, или из того, на что они указали. **Является обязательным (ваджиб)** для каждого мусульманина, при претворении шариата в обществе, изучить общество подробным изучением, затем «лечить» его шариатом Аллаха и **работать на изменение данного общества революционным методом на основе исламской идеологии, не придавая никакого значения обстоятельствам и положениям, противоречащим шариату**. Все что противоречит Исламу — должно быть уничтожено, а все, что приказал Ислам — должно быть укреплено и установлено предметом его претворения. Действительность общества должна быть ограничена приказами и запретами Аллаха, и мусульманам **не** позволяется мусульманам изменяться, согласно реальности их времени и места, **напротив они***

должны **изменять реальность** согласно Книге Аллаха и Сунне Его Посланника, да благословит его Аллах и приветствует». Показателями скрытого призыва здесь выступают слова с семантикой долженствования: прилагательное «**обязательным**» (употребленное в сочетании с бытийным глаголом «**является**»); «**ваджиб**» — контекстуальный синоним сочетания «**является обязательным**»; дважды повторенная модально-предикативная конструкция «**должно быть**», модально-предикативные слова «**не позволяется**» (с отрицательным значением 'должно не'), «**должны**». Прием «продленной семы» — нанизывание слов с семантикой долженствования — способствует повышению потенциала воздействия данного высказывания. Пресуппозиции, на основе которых осмысливается скрытый призыв, — 1) «Поистине исламское законодательство, в своих решениях для человека, требует изучения реальности его проблемы, затем познание закона Аллаха на данную проблему, через выведение закона из Корана и Сунны, или из того, на что они указали»; 2) «Не допускается изменение законов с изменением места и времени»; 3) «Поистине, шариатские законы в Исламе — это системы, пришедшие для разрешения проблем человека в удовлетворении его инстинктивных и органических потребностей». В лексическом значении формы «**требует**» 3 л. ед.ч. глагола «**требовать**» содержится семантический признак 'категорический': 'Просить в категорической форме' [Кузнецов, 2005, с. 841], — который также усиливает действенность призыва.

Адресатом призыва является «**каждый мусульманин**» (*каждый* — 'всякий, любой', там же, с. 256), т. е. широкая аудитория мусульман; призывные действия, которые они должны совершить — «**изучить общество**», «**лечить** его шариатом Аллаха», «**работать на изменение данного общества революционным методом на основе исламской идеологии**», уничтожить, «**все что противоречит Исламу**», укрепить «**все, что приказал Ислам**» и установить «**предметом его претворения**», ограничить «**действительность общества**» «**приказами и запретами Аллаха**», не изменяться «**согласно реальности их времени и места**», а «**изменять реальность согласно Книге Аллаха и Сунне Его Посланника**». Таким образом, в данном высказывании имеется призыв, направленный на вовлечение других людей (всех мусульман) в следующие виды деятельности:

1) «**изучить общество**» («**подробным изучением**»): в исследуемом контексте возможна реализация двух лексических значений глагола «**изучить**» — 1. 'В процессе обучения усвоить что-л.' и 3. 'Внимательно наблюдая, ознакомиться, понять' [Кузнецов 2005, с. 240-241] (*изучение* — существительное, образованное от этого глагола). С учетом всего контекста и подтекста, речевой смысл выражения «**изучить общество**» («**подробным изучением**») — 'понять, усвоить, что общество «**больно, находится в состоянии упадка и нуждается в «лечении» шариатом, изменении**»'. Об этом свидетельствуют следующие контексты: «**Сегодня в умах большинства мусульман господствует убеждение, смысл которого заключается в том, что Ислам гибок и применим к различным социальным, экономическим, политическим положениям во все времена и в любом месте. Также распространяется мысль, что Ислам в своих законах — изменяется для соответствия требованиям современного положения, и соответствия какому-либо иному новому требованию, исходящему от людей, с течением времени**»; «**Это правило возникло в конце девятнадцатого века, в дни сильнейшего мыслительного упадка. А затем пришел колониализм и «подпитывал» его, пока оно не распространилось в таком ужасном виде**»; «**Поистине, шариатские законы в Исламе — это системы, пришедшие для разрешения проблем человека в удовлетворении его инстинктивных и органических потребностей. Законодатель обратился с ними к нам в Коране и Сунне, которые являются единственным источником в Исламе, для выведения законов шариата. Закон шариата — это обращение Законодателя, в отношении поступков людей... Основываясь на этом, источник законов шариата один — это Книга Аллаха и Сунна Его Посланника... Из них**

выводятся решения, для разрешения всех проблем людей и всех возникающих споров между ними»; «Поистине **исламское законодательство, в своих решениях для человека, требует изучения** реальности его проблемы, затем познание закона Аллаха на данную проблему, через выведение закона из Корана и Сунны, или из того, на что они указали»; «**Является обязательным (ваджиб)** для каждого мусульманина, **при претворении шариата в обществе, изучить общество** подробным изучением, затем **«лечить» его шариатом Аллаха и работать на изменение данного общества революционным методом на основе исламской идеологии, не придавая никакого значения обстоятельствам и положениям, противоречащим шариату**»;

2) «**«лечить» его шариатом Аллаха**» — речевой смысл этой фразы заключается в следующем: 'необходимо применять шариат Аллаха для излечения, изменения общества, находящегося в упадке' (*лечить* — 'Применять какие-либо средства для излечения кого-л.' [Кузнецов, 2005, с. 317]);

3) «**работать на изменение данного общества революционным методом на основе исламской идеологии**» — речевой смысл данной части высказывания — 'необходимо трудиться, действовать для изменения существующего общественного строя путем революции в соответствии с идеями ислама' (*работать* — 'Заниматься каким-л. делом; трудиться'; *изменение* — от глаг. *изменить* — 'Сделать иным, переменить'; *общество* — 'Совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями жизни'; *революционный* — 'Направленный на осуществление революции — коренной переворот во всей социально-экономической структуре общества, приводящий к смене общественного строя'; *метод* — 'Прием, система приемов в какой-л. деятельности; способ или образ действия'; *исламский* — 'основанный на исламе; мусульманский'; *идеология* — *Полит.* 'Система, взглядов, идей, представлений, характеризующих то или иное общество, тот или иной класс или политическую партию' [Кузнецов, 2005, с. 317, 238, 438, 695, 346, 250, 233]);

4) заключительная часть призыва — «**Все что противоречит Исламу — должно быть уничтожено, а все, что приказал Ислам — должно быть укреплено и установлено предметом его претворения. Действительность общества должна быть ограничена приказами и запретами Аллаха, и мусульманам не позволяется изменяться, согласно реальности их времени и места, напротив они должны изменять реальность согласно Книге Аллаха и Сунне Его Посланника, да благословит его Аллах и приветствует**» — выражает речевой смысл, конкретизирующий образ того, как должно измениться существующее общество: 'необходимо установить исламское общество, бытие которого должно ограничиваться законами Аллаха — шариатскими законами'.

Конечная цель призывных действий, которые преподносятся авторами текста как социально значимые, — «*претворение шариата в обществе*» (*претворение* — 'воплощение в реальность, осуществление чего-л.' [Кузнецов, 2005, с. 604]), жизнь общества по законам шариата, которые выводятся из Корана и Сунны. Таким образом, общий речевой смысл призыва подразумевает следующие этапы (этапы программы призывных действий): 1) каждый мусульманин, претворяя шариат в обществе, должен понять, усвоить, что общество «*больно, находится в состоянии упадка и нуждается в «лечении» шариатом, изменении*»; 2) должен применять шариат Аллаха для излечения, изменения общества, находящегося в упадке; 3) должен трудиться, действовать для изменения существующего общественного строя путем революции в соответствии с идеями ислама; 4) должен установить исламское общество, живущее по законам шариата, уничтожив «*все что противоречит Исламу*», «*не придавая никакого значения обстоятельствам и положениям, противоречащим шариату*». В подтексте данного призывного высказывания выражается идея установления Исламского государства (*государство* — '1. Политическая форма организации общества, осуществляющая управление обществом, охрану его экономической, социальной структуры. 2. Страна с

определенной формой политической организации'; *политический* — '2. Государственно-правовой' [Кузнецов 2005, с. 566]). Особенно показательно в этом плане высказывание: «Сегодня в умах большинства мусульман господствует убеждение, смысл которого заключается в том, что Ислам гибок и применим к различным социальным, экономическим, политическим положениям во все времена и в любом месте»; ср. также выражения, используемые в тексте, «исламское законодательство», «Законодатель» (об Аллахе).

Аналогичным образом в сходном по содержанию тексте обнаруживаются высказывания, направленные на вовлечение других людей в деятельность по «изменению существующих положений», «установлению» / «образованию исламского государства халифат, которое будет воплощать в жизнь исламский шариат», по распространению и защите уммой «исламского призыва» (и тех, кто распространяет «исламский призыв», «носителей исламского призыва»), по «укреплению исламской политической деятельности», а также «быстрому уничтожению» «господства неверного империалиста и его прислужников», убийству «неверных» и «ученых» («проповедников», «исламистов»), «свержению неверных режимов» (капиталистической демократии Запада и Америки), «неверных законов и неверной политики» (неисламских).

Формально текст обращен к исламским «ученым», которых автор называет «прислужниками» Запада и Америки (используются прямые обращения «Доктор!», «Ты»), явно выражено коммуникативное намерение автора разоблачить этих «ученых», «уничтожить» влияние «западной идеи» на умму, мусульман: «Обязательным является то, чтобы всяческий след западной идеи в умме был уничтожен, даже если этот след появился через тех, кого называют учеными, проповедниками или исламскими движениями. Этого можно добиться лишь путем анализа и рассмотрения каждой мысли и каждого метода на основе Корана и Сунны, и этим самым зло отделится от добра, и умма не будет попадать в западную шайтана из-за своего доверия прислужникам, носящим ученые звания». Скрытой же коммуникативной целью автора является оказание воздействия на мусульман, умму, «мусульманский народ», с тем чтобы впоследствии разоблачения «ученых» он поддержал «носителей исламского призыва» и способствовал установлению исламского государства халифата (главное средство воздействия здесь — косвенный, риторический вопрос, ответ на который читатель черпает из контекста и подтекста): «Какова же ценность того, что народ является мусульманским, если ученые искажают религию и обучают народ тому, как следует допускать неверие, запрещают дозволенное и дозволяют запретное?»; «Группа ученых выносит фетву, которая гласит о дозволенности просьбы помощи Саудовской Аравией у Америки в борьбе против Ирака, а другая группа говорит о запретности этого. Что же будет делать мусульманский народ? Что он будет делать в отношении законодательств касательно торговых, политических и экономических, а также международных отношений? Вот они «выдающиеся и разукрашенные» ученые, выносят народу фетвы о дозволенности ростовщичества, лотереи, отступничества от Ислама, использования свобод согласно западной культуре, разделению единства мусульман на маленькие государства, отрицания халифата, прекращения шариатских наказаний, признания еврейского государства и так далее. Каковым же будет положение мусульманского народа, если он положится на демократию и ученых, которые говорят ему: «Это было запретным, но законы меняются с изменением времени и места... Это обязанность, но интерес требует пренебрежения ею...». Ты доктор, говоришь, что если шариатские тексты не являются категоричными в своем источнике и указании, то их значения изменяются и развиваются согласно времени и интересу. Что же в таком случае нам делать со следующим текстом, который не является категоричным в своем источнике: «Тот, кто поменял свою религию, убейте его». Разве мы станем изменять его значение, чтобы оно пришло в соответствие с настоящим временем, которое считает, что убийство

вероотступника – является посягательством на свободу убеждения?»; «Просим Аллаха, чтобы Он направил нас к самому правильному, сделал наши сердца всегда открытыми для Ислама, и укрепил нас на светлом пути. Просим Аллаха, чтобы Он даровал нам и исламской умме Свою великую победу, помог нам осуществить правление исламским шариатом и исполнять религию, дабы люди прозрели и с их сердец исчезло отчаяние». В последнем высказывании обращает на себя внимание выражение «чтобы Он даровал нам и исламской умме», а также «помог нам осуществить правление исламским шариатом и исполнять религию, дабы люди прозрели...»: данные употребления свидетельствуют о том, что автор включает себя в некую группу лиц (контекстуально это «носители исламского призыва»), называемую местоимением «нам» (косвенная форма местоимения «мы», которое «обозначает группу лиц, включая говорящего» [Кузнецов, 2005, с. 365]), и отделяет от совокупностей лиц, именуемых единицами «исламской умме» и «люди».

Вовлечение мусульман, уммы, других людей в перечисленные выше действия осуществляется с помощью стратегии вуалирования истинных коммуникативных намерений автора: скрытые призывы непосредственно внедряются в навязываемые читателю пресуппозиции — через критику того, чего не должно быть, по утверждению автора:

1) ислам является «совершенным», он не нуждается в дополнении демократией, у него есть свои законы и «методы исполнения» этих законов — не должно быть разделения «единства мусульман на маленькие государства, отрицания халифата, прекращения шариатских наказаний, признания еврейского государства»: «Доктор! Ислам является совершенным, а не недостаточным, чтобы мы дополняли его гарантиями, которые установила демократия. В Исламе имеется лучшее и более сильное, чем голос народа, лишение доверия, сила прессы, контроль, требование отчета и так далее... Ислам издал метод исполнения своих законов точно также, как издал сами законы»; «Вот они «выдающиеся и разукрашенные» ученые, выносят народу фетвы о дозволенности ростовщичества, лотереи, отступничества от Ислама, использования свобод согласно западной культуре, разделению единства мусульман на маленькие государства, отрицания халифата, прекращения шариатских наказаний, признания еврейского государства и так далее»;

2) в целях «укрепления» «исламской политической деятельности», а также «быстрого уничтожения» «господства неверного империалиста», не должно быть «вымыслов неверия», их «умышленного обмана», тех, «кто призывает к ним», «прислуг» Запада: «Самым опасным в этой политике (в кампании направленной против Ислама) является то, что ее реализовывают ученые или исламские движения. Поэтому сегодня из числа наиважнейших дел исламского призыва, направленных на укрепление исламской политической деятельности, а также быстрое уничтожение господства неверного империалиста и его прислужников, чтобы вселить в умму доверие к Исламу и побудить умму к тому, чтобы она взяла под свою опеку носителей исламского призыва – является уничтожение вымыслов неверия путем разъяснения, имеющегося в них умышленного обмана и разъяснения того, что те, кто призывает к ним – служат Западу»;

3) демократия «не является исламом», значит, не должно быть правления и законодательства народа: «Разве читатель не видит, что все эти описания не являются доказательствами, пригодными для того, чтобы узаконить демократию, а, кроме того, имеется категоричное доказательство на то, что она является неверием. И разве он не видит, что эти описания – не больше чем оправдания для позиции, которую он занимает, и что в них имеется множество заблуждений?!»; «Если дело обстоит так, как его охарактеризовал этот человек, то его позиция не представляется иной, нежели как вместе с Исламом, вместе с изменением существующих положений и образованием исламского государства Халифат, которое будет воплощать в жизнь

исламский шариат. Разве это не слова Всевышнего Аллаха:... «А кто отвратится от Моего напоминания, у того, поистине, будет тесная жизнь!» [20:124] Значит, этот ученый обязан требовать Ислам, требовать исламское правление и право мусульман в призыве к Исламу. Этот ученый должен побуждать умму к деятельности по свержению неверных режимов, неверных законов и неверной политики. Он должен призывать и действовать для того, чтобы определить Коран и Сунну источником законодательства, а не для того, чтобы народ был источником законодательства».

В последнем высказывании содержится скрытый призыв, выражаемый с помощью модально-предикативных слов с семантикой долженствования «должен», «обязан», в сочетании с инфинитивом «требовать», усиливающим категоричность побуждения. Призыв непосредственно обращен к «ученым», но опосредованно — к читателям-мусульманам, умме (является косвенным): центральная тема текста — действия исламских «ученых», которые не считаются автором неверными, но, прислуживая западу, неправильно трактуют ислам и оказывают влияние на умму; данное наблюдение подтверждается двумя следующими высказываниями: «Обязательным является то, чтобы всяческий след западной идеи в умме был уничтожен, даже если этот след появился через тех, кого называют учеными, проповедниками или исламскими движениями» (и это еще один скрытый призыв); «Это дает тебе право требовать того, чтобы насилие, несправедливость и истязания были ликвидированы. Это также дает тебе и умме силу для проведения деятельности по образованию Ислама как замены...». Таким образом, речевой смысл приведенных высказываний сводится к тому, что уничтожение «западной идеи в умме» (в том числе идущей от исламских проповедников) подразумевает необходимость требования, =призыва к изменению «существующих положений» и образованию «исламского государства Халифат, которое будет воплощать в жизнь исламский шариат», требования исламского правления и права «мусульман в призыве к Исламу», побуждения уммы «к деятельности по свержению неверных режимов, неверных законов и неверной политики», участие «ученых» и уммы в проведении «деятельности по образованию Ислама как замены» капиталистической демократии;

4) ислам не должен развиваться в «условиях несправедливости и истязаний», враждебности «неверных», которые «служат Западу» и не позволяют распространять «исламский призыв», поэтому необходимо требовать ликвидации насилия, несправедливости и истязаний, а также «проведения деятельности по образованию Ислама» как политической «замены» «демократическим капиталистическим системам»: «Да Ислам развивается в той атмосфере, где отсутствует насилие, и его развитие останавливается в условиях несправедливости и истязаний. Это дает тебе право требовать того, чтобы насилие, несправедливость и истязания были ликвидированы. Это также дает тебе и умме силу для проведения деятельности по образованию Ислама как замены, ибо именно Ислам – обеспечивает мир, спокойствие, справедливость и процветание. Насилие и несправедливость постигают носителей призыва, ибо они хотят Ислам – как культурную и политическую замену демократическим капиталистическим системам, а нынешние правители являются стражами и хранителями культуры Запада, ибо Запад оберегает их до тех пор, пока они оберегают его культуру, его интересы и влияние. Та атмосфера, которую предоставляет Ислам – лучше, чем та, которую предоставляет демократия. Так почему же ты не удовлетворишь свою нужду и нужду своего движения в Исламе? Неверные и служащие Западу режимы правления – враждебны к Исламу. Они хотят уничтожить Ислам, несмотря на то, что являются демократическими. Это – закон борьбы между верой (иманом) и неверием (куфром)... Неверный, который господствует над странами, не позволяет распространять призыв к Исламу, даже если он делает вид, что позволяет это или делает вид, что проявляет терпимость. Он позволяет это только тем носителям призыва, которые являются орудием в его руках для служения ему,

поскольку неверные постоянно усердствуют для того, чтобы отвлечь людей от пути Аллаха... Они не жалеют сил для осуществления своей злобы и ненависти по отношению к мусульманам»; «Иной раз те, кто оправдывают принятие демократии, говорят: «Мы не призываем к демократии ради значений неверия, имеющихся в ней. Но мы требуем свободную атмосферу, устранение насилия, притеснения и истязания, чтобы иметь возможность призывать к Исламу, поскольку именно в такой атмосфере Ислам может развиваться, покрываться листьями и цвести». Мы говорим такому человеку: «Раз так, то требуй того, чего желаешь, и не требуй другого, что противоположно твоей акьиде. И говори то, что имеешь в виду». Скрытый призыв выражается с помощью косвенного, риторического вопроса: «Так почему же ты не удовлетворишь свою нужду и нужду своего движения в Исламе?», — речевой смысл которого заключается в следующем: 'ты вместе с уммой должен удовлетворить свою нужду и нужду своего движения в Исламе (требование ликвидации насилия, несправедливости и истязаний, а также «проведения деятельности по образованию Ислама» как политической «замены» «демократическим капиталистическим системам»)'. Прямой призыв, с типовыми грамматическими признаками (наличие глагола в форме повелительного наклонения 2 л. ед. ч.) реализуется в высказывании «Мы говорим такому человеку: «Раз так, то требуй того, чего желаешь, и не требуй другого, что противоположно твоей акьиде. И говори то, что имеешь в виду». Однако извлечение действительного смысла призывного действия здесь также невозможно без опоры на контекст и подтекст: требование «того, чего желает» исламский «ученый» — свободной атмосферы, устранения «насилия, притеснения и истязания, чтобы иметь возможность призывать к Исламу», — подразумевает проведение «деятельности по образованию Ислама» как политической «замены» «демократическим капиталистическим системам», т. е. установление исламского государства халифата.

Контекстуальный анализ показывает, что все названные действия являются элементами программы, которая должна реализоваться в ближайшем будущем («в скором времени»), об этом свидетельствует следующее высказывание: «Вопрос не только в некоторых мусульманах и не в том, что они продолжают остерегаться. В скором времени они оставят осторожность. Вопрос в том, что каждый сознательный мусульманин «пинает ногой» демократию, а не просто остерегается ее, поскольку она является неверием. В скором времени, если на то будет воля Аллаха, в умме не останется и следа от призыва к неверию, будь то к демократии или к чему-то иному». Перечисленные выше призывные действия подкрепляются имеющимся в конце текста обращением к Аллаху, в котором эксплицируется скрытое коммуникативное намерение автора, его желание осуществления правления «исламским шариатом» (правление — сущ., образованное от глаг. править — 'Руководить, управлять, обладая властью' [Кузнецов, 2005, с. 595]), т. е. установления исламского государства халифат: «Просим Аллаха, чтобы Он направил нас к самому правильному, сделал наши сердца всегда открытыми для Ислама, и укрепил нас на светлом пути. Просим Аллаха, чтобы Он даровал нам и исламской умме Свою великую победу, помог нам осуществить правление исламским шариатом и исполнять религию, дабы люди прозрели и с их сердец исчезло отчаяние». В теории речевых актов мольба относится к реквестивам, т. е. к побудительным актам, в которых говорящий обращается к авторитетному лицу с просьбой выполнить действие, выгодное, существенное для говорящего. Думается, что с учетом основного догмата веры (в действительности ничего не происходит помимо воли бога), который обязательно эксплуатируется в текстах религиозно-политического характера, приведенную выше «просьбу» (молитву, мольбу) можно рассматривать как косвенный призыв, опосредованно обращенный к людям — потенциальным субъектам осуществления призывных действий. В конфликтогенных текстах это всегда социально-политическая, манипулятивная просьба, облеченная в форму мольбы (молитвы) для сокрытия истинных коммуникативных намерений автора. Ее

завуалированный смысл укладывается в формулу 'Хочу, чтобы ты делал то, что хочу я, потому что этого хочет (это велит) Бог'. С опорой на схему, предложенную К. И. Бриневым [Бринев, 2009, с. 140-141], основные элементы структуры такого косвенного речевого акта призыва-«мольбы» можно определить следующим образом:

А. Хочу, чтобы было X, потому что этого хочет Бог.

Б. Знаю, что X не может произойти само, а только по воле Бога и по причине истинной веры в него людей.

В. Знаю, что если просить Бога заставить нас осуществить то, что я хочу, потому что этого хочет Бог, то, возможно, что будет X.

Г. Знаю, что ты знаешь, что делать, чтобы было X.

Д. Знаю, что если буду говорить тебе, что прошу Бога заставить нас осуществить то, что я хочу, потому что этого хочет Бог, возможно, что ты будешь делать так, чтобы было X.

Е. Говорю тебе: необходимо, чтобы было X.

Ж. Говорю это тебе для того, чтобы ты делал так, чтобы было X.

Продемонстрированная методика установления скрытых призывов является весьма трудоемкой, но ее применение, на наш взгляд, способствует большей объективности анализа содержания исследуемого текста. Юрислингвистика может и должна опираться на те ресурсы, которые были выработаны и фундаментальной лингвистикой, и смежными отраслями ее знания для решения самых разнообразных задач. Пределы компетенции отдельного ученого не означают пределов лингвистической (и шире — филологической) компетенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Араева, Л.А., Осадчий, М.А.** Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма [Электронный ресурс] // УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. — № 04 (апрель). — 2006. // http://www.ugpr.ru/arhiv/16_apr_2006/topic163_sudebno45_lingvisticheskaya_ekspertiza_po_kriminalnym_proyavleniyam_ekstremizma_.html.
2. [_ekspertiza_po_kriminalnym_proyavleniyam_ekstremizma_.html](http://www.ugpr.ru/arhiv/16_apr_2006/topic163_sudebno45_lingvisticheskaya_ekspertiza_po_kriminalnym_proyavleniyam_ekstremizma_.html).
3. **Бринев, К.И.** Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография / К.И. Бринев ; под редакцией Н.Д. Голева. — Барнаул : АлтГПА, 2009. — 252 с.
4. **Брушлинский, А.В.** Мышление и прогнозирование (логико-психологический анализ). — М.: Мысль, 1979. (Ин-т психологии АН СССР). — 230 с.
5. **Вайскунский, А.Е.** К анализу возникновения некоторых коммуникативных целей // Психологические механизмы целеобразования / Отв. ред. О.К. Тихомиров. — М.: Наука, 1977. С. 110-155.
6. **Васильев, Л.М.** Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: Сборник избранных статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2006. — 524 с.
7. **Вилюнас, В.** Психология развития мотивации. — СПб.: Речь, 2006. — 458 с.
8. **Винокур, Т.Г.** К характеристике говорящего: интенция и реакция // Язык и личность. — М.: Наука, 1989. С. 11-23.
9. **Голев, Н.Д.** Юрислингвистика и прагматика: о двух стратегиях обвинения в словесной инвективе и защиты от него // <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v78.html>
10. **Голев, Н.Д.** Экспертиза конфликтных текстов в современной лингвистической и юридической парадигмах // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва, 7-8 декабря 2002 г. Часть 2 / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — М., 2002. С. 64-73.
11. **Ильин, Е.П.** Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2004. — 509 с.: ил. — (Серия «Мастера психологии»).

12. **Кобозева, И.М.** Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие (под ред. Володиной М.Н.). Часть 1. М., 2003. С. 92-107 [Электронный ресурс] // http://evartist.narod.ru/text12/08.htm#з_05
13. **Кузнецов, С.А.** Современный толковый словарь русского языка / Гл. Ред. С. А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2005. – 960 с.
14. **Кузнецов, С.А.** Спорная часть текста: анализ имплицитных компонентов содержания // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва, 7-8 декабря 2002 г. Часть 2 / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Галерея, 2002. С.98-108.
15. **Леонтьев, А.Н.** Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
16. **Леонтьев, А.Н.** Потребности, мотивы, эмоции. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1971. – 40 с.
17. **Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика:** учеб. пособие / А.Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
18. **Лурия, А.Р.** Письмо и речь: Нейролингвистические исследования: Учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 352 с.
19. **Мотивация поведения и деятельности:** Учебно-методическое пособие / Составитель М.К. Кириллова. – Ижевск: НИПЦ «ERGO», 2006. – 52 с.
20. **Осадчий, М.А.** Классификация методов судебной лингвистической экспертизы (на материале экспертной оценки призыва) // Современные проблемы науки образования. 2011, № 6. С. 3.
21. **Русская грамматика:** В 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 1980.
22. **Соловьева, В.А.** Мотивационная сфера личности: системный подход. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – 100 с.
23. **Шибутани, Т.** Социальная психология / Пер. с англ. В.Б.Ольшанского. – Ростов н/Д.: Феникс, 2002. – 544 с.